

СЕРГЕЙ ПРОХАНОВ:

Лунныйра. - 2002 - 26 дек. - 8. 11

В пятьдесят лет рано подводить итоги

С предками ему повезло. Мама из Северодвинска. Ее дед церква расписывал, а дед по отцовской линии — цыганом был, пел. Отец Сергея ПРОХАНОВА не только пел сам, но всех вовлекал в это занятие. Сам Сережа у себя в Тушине пел так, что его прозвали Робертисом Лоретти. Он посещал всевозможные кружки и студии, начиная с авиасудостроительного и заканчивая театральным, да еще и в физико-математической школе учился. К моменту окончания школы играл главные роли в спектаклях "Самбродо" и "Мой брат играет на кларнете". Однако его решение идти в театральный вуз поддержки не имело. Но в назначенный срок Сергей, надев своего единственную рубашку, отправился поступать во все театральные училища сразу. Приняли в Шуйкинское. После него сразу попал в Театр им. Моссовета. Начал сниматься. Пришла известность. Но, проработав 20 лет в Театре им. Моссовета, он ушел строить свой Театр Луны.

— Неужели ушли без тени сожаления?

— К тому времени я играл всего одну роль — Иуды в спектакле "Иисус Христос — суперзвезда". Я был как отрезанный помоть и внутренне перестроился на другое дело, которое для меня было чрезвычайно интересным.

— Вы учились в Шуйкинском у Веры Константиновны Львовой, а считали себя учеником Виктора.

— В самом начале моего актерского пути в Театре им. Моссовета он работал со мной в трех спектаклях "Вечерний свет", "Царская охота", "Калюши счастья". Он сформировал мое мировоззрение. Печерк у нас сжог. Мне говорят, что в моих персонажах присутствует некая эротичность. Дело тут не в теле, а в том, как люди существуют на сцене. Обычно артисты общаются по принципу "пятилька-кричочек", я же поведово обоособленность общения, когда каждый задевает свою ноту в пространстве. Только так на нот рождается музыка.

— С кого начиналась ваша труппа?

— Первой я пригласил Ирину Метлицкую. Она пришла с мужем, Сергеем Базаровым. Пьеса ей понравилась, и она согласилась. Потом я пригласил Анатолия Ромашина, за ним пришли молодые актеры, и состоялась премьера "Византизм" по пьесе Лундьева "Отравленная туника".

— Пьеса Ромашину понравилась, а как он отнесся к режиссеру Проханову?

— Не все сразу у нас получалось, но я понял, что если ведать себя на репетиции как пацан, сам не знаешь, чего хочешь, то артистов это бесит, поэтому я всегда приходил готовым. Во всяком случае, если точно не знал, как именно сделать сцену, запасной вариант был всегда. Я приобрел некоторую уверенность, а после

спектакля "Ночь нежна" по Фидлержеральду Ромашину меня зауважал.

— Почему же тогда артисты уходят из Театра Луны?

— Артист — это предательский человек. Он играет премьеры. Он видит аншлаг, но надолго его не хватает. За десять лет я звезд пять-шесть сотворил. Чулпан Хаматова первый раз у нас сыграла. Вначале было очень обидно. Сейчас это чувство атрофировалось. Знаете, Любимова как-то спросила: "За что вы артистов не любите?" Он ответил: "За то, что они спектакли портят". Наверное, так и надо к ним относиться и не переживать.

— Может быть, стоит режиссеров других приглашать?

— Я приглашаю режиссеров. Болландец ставил "Фауста", болгарка сейчас работает над "Ромео и Джульеттой", но тут тоже не без проблем. Режиссер поставил и ушел, а тут артист заболел или ушел из театра, нужно срочно вводить другого. Кто станет этим заниматься? Не будешь же каждый раз вызывать его из-за границы, а я не в материале.

— Когда театр стал государственным, жизнь облегчилась?

— Конечно, мэр Лужков заботится. Обещал, что новый сезон мы начнем в театре на Малой Ордынке.

— Но теперь у вас есть какой-то план?

— Для нас он не обременителен. Как маленький театр, мы должны сыграть 140 спектаклей. Играем 240. Государство дает нам неполное финансирование на два спектакля. Мы привлекаем спонсоров. Приходится и водки выпить, и поговорить. Мы любой помощи рады.

— Новый театр — больше. Сейчас труппа — сорок человек, если увеличить, появится проблема занятости.

— Я отдаю себе отчет, что может появиться не только эта проблема. И

С. Проханов

сто процентной заполняемости зала может не быть, и с третьего места, после театров Виктора и Васильева, которое мы заняли в этом году, мы можем слететь, да мало ли еще какие проблемы возникнут. Мы стараемся удержаться на том уровне, которого достигли.

— Столько дел, а вы еще и драматургией занимаетесь?

— Поверьте, не от большого жаления. Просто старые драматурги почти не работают, а новые пишут с колоссальными накладками.

— По вашим пьесам можно поставить спектакли в других театрах?

— Сделать это будет сложно. Хотя у нас идет двенадцать спектаклей по моим пьесам, я себя драматургом не считаю. Больше комбинирую, нежели пишу от начала до конца.

— Вы пригласили премию "Ромашка" в память об Анатолии Ромашине. Чем-то эта премия отличается от других?

— Там, что резюме дают зрители. Они заполняют бланки. В конце сезона мы считаем голоса, а на сборе труппы награждаем победителей.

— Сергей, а когда вы сами будете играть?

— А я не хочу, да мне и некогда. Я вошел в другую зону. Нет смысла останавливаться. Очень интересные большие проекты намечаются. В новом здании будет два зала. Там работы непочатый край.

— Значит, в свои пятьдесят подводить итоги не собираетесь?

— В пятьдесят рано. Пока резкость в глазах не пропала, мы еще погуляем. Сейчас самая мощь пошла. Сейчас только "Короля Лира" подавай, не меньше. Вот и пишу. Будет рок-опера.

Беседу вела

Татьяна ПЕТРЕНКО

Фото Ирины КАЛЕДИНОЙ